A 167/407

2007098058

А 167
А 407
Смирнов, И. Н.

ОБЪ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНІИ ВЯТСКАГО КРАЯ.

Вятскій край нельзя отнести къ числу нетронутыхъ изслѣдователями-археологами, историками и этнографами. Старый трудъ Вештомова, серія интересныхъ статей въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, труды А. А. Спицына, г. Верещагина, покойнаго Н. Г. Первухина и изданія земскаго статистическаго бюро составляютъ не маловажный научный капиталъ. Я имѣлъ случай оцѣнить труды старыхъ и новыхъ вятскихъ работниковъ, когда пользовался ими для своихъ изслѣдованій о черемисахъ, вотякахъ и пермякахъ, и буду очень счастливъ, если мнѣ удастся уплатить свой долгъ Вяткѣ, внеся свою долю вопросовъ въ общій планъ дальнѣйшаго изслѣдованія края.

Первый вопросъ—и вопросъ, которымъ усиленно занимается А. А. Спицынъ—заключается въ опредѣленіи этнографическаго состава древняго населенія края, того населенія, которое оставило послѣ себя многочисленныя городища и другіе вещественные памятники. Что населеніе края не оставалось въ теченіе вѣковъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, что отдѣльныя народности передвигались подъ напоромъ сильнѣйшихъ пришельцевъ—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если же это такъ, то возникаютъ значительныя затрудненія при пріуроченіи того или другаго памятника старины къ той или другой народности: мы не можемъ напр. городища края, занятаго въ настоящее время вотяками, принимать съ увѣренностью за древне-вотяцкія. Чтобы установить отношеніе между древними и современными насельниками края, нужно предпринять довольно сложную работу. Прежде всего слѣдуетъ выяснить по отношенію къ каждому уѣзду тотъ матеріалъ, которымъ изслѣдователь можетъ пользоваться для возстановленія основныхъ момен-

[Вятка, 1891]

товъ его исторіи. Г. Спицынъ, Первухинъ и другіе мѣстные археологи собрали значительный запасъ свѣдѣній о городищахъ, могилахъ и др. вещественныхъ памятникахъ старины. Но содержимое этихъ памятниковъ представляетъ собою именно тотъ историческій *x*, который слѣдуетъ опредѣлить. Величины извѣстныя заключаются въ положительныхъ указаніяхъ исторіи—лѣтописи, актовъ и въ мѣстныхъ названіяхъ. Я позволяю себѣ обратить особенное вниманіе вятскихъ изслѣдователей на этотъ послѣдній, въ высшей степени важный, историческій матеріалъ. Названія рѣкъ, озеръ, болотъ, горъ, логовъ, волоковъ, иногда деревень представляютъ собою памятники языка изчезнувшихъ поколѣній. Въ нихъ главный ключъ къ опредѣленію оставившихъ ихъ народностей. Уже теперь, при всей неудовлетворительности оффиціальной транскрипціи, мѣстныя названія позволяютъ сдѣлать нѣсколько весьма любопытныхъ предположеній на счетъ состава древняго населенія Вятской губерніи. На всемъ почти пространствѣ Вятской губерніи мы встрѣчаемъ рѣки съ названіями, которыя оканчиваются на слогъ *ма*. Это *ма* есть ничто иное, какъ пермяцко-зырянское *ва* – рѣка, вода. Одинъ изъ крупнѣйшихъ притоковъ Печеры русскіе называютъ Иж-ма, а зыряне и самоѣды Изв-ва, притокъ Оби Лоз-ва въ книгѣ „Большаго Чертежа“ называется Лоз-ма. Кромѣ этихъ двухъ положительныхъ свидѣтельствъ тождества *ма* и *ва* мы имѣемъ не менѣе важное свидѣтельство въ тождествѣ корней, связанныхъ съ этими окончаніями въ названіяхъ рѣкъ Пермской и Вятской губерній. Я приведу нѣсколько параллелей изъ своего очерка „Вотяки“: Пож-*ма* въ Вят. || Пож-*ва* въ Перм., Виль-ма Вят. || Виль-ва (новая рѣка) въ Перм., Урма Вят., Ур-ва въ Перм., Мол-о-ма Вят., Мол-ва Перм. Рѣки съ окончаніемъ на *ма* можно разсматривать такимъ образомъ на первый разъ, какъ памятникъ пребыванія въ Вятскомъ краѣ пермяковъ. Границы, за которыми не встрѣчаются уже эти названія будутъ границами древняго распространенія пермяковъ. Принимая во вниманіе длинный рядъ рѣчныхъ названій на *ма* въ Слободскомъ, Глазовскомъ, Малмыжскомъ уѣздахъ на С. и С. В. отъ рѣки Вятки и въ Котельническомъ, Яранскомъ и отчасти Уржумскомъ на Ю., мы можемъ установить, что свободными отъ

Пермскихъ насельниковъ можно считать только три уѣзда губерніи—Вятскій, Нолинскій и Орловскій (на Ю. отъ р. Вятки). Здѣсь въ названіяхъ главныхъ водъ края мы встрѣчаемъ уже новый типъ. Большая часть рѣкъ носитъ названія на *нъ*, *нь* или *на*; таковы: Лобанъ, Суна, Кумена, Лудяна, Шитина, Урдан-ка, кл. Шарин-скій, Лыстань, Толманъ, Ошлан-ка, Ялан-ка, Кырчанъ, Сырчанъ, Пильманъ, Мальканъ, Ярань, Опанъ, Сарданъ, Ельпанъ, Луксунъ, Илганка, Норинка, Куменка, Касинка, Юрина. Названія этого типа переходятъ въ сосѣдніе Яранскій и Котельническій уѣзды: Шуван-ка, Ширянка, Игона, Пижанка, *Вонданга* (пр. Моломы), Корманка—Кот. у., Ярань, Нерань, Пиштанка, Лиштанка, Шкаланка, Ваштранка, Шарданка, Людонка, Убрень, Илганъ, Шаранга, Шапланка, Юронга, Мирянга, Пижанка, Толманъ.

Этотъ типъ названій имѣетъ многочисленныхъ родичей также за предѣлами Вятскаго края—но это не на В. и С.В., а на С.З. Въ очеркѣ „Пермяки“ я отмѣтилъ предѣлы распространенія этого типа и составилъ маленькій алфавитный списокъ относящихся сюда названій.

Сравнивая рѣчныя названія на *на*, *нь* западной половины Вятской губерніи съ названіями, внесенными въ упомянутый списокъ, мы открываемъ между одними полное тождество изъ звука въ звукъ, между другими тождество по типу. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Названія З. части В. г.	Названія изъ списка въ оч. „Перм.“
Юронга	Юронга.
Пижанка	Пеженга.
Шаранга	Шоренга.
Шарданка, Сарданъ (?)	Шарденьга.
Нерань	Наренга.
Корманка	Карманга.
Вонданга	Вонданга.
Ширянка	Шеренга.
Шуванка	Шуванга.
Норинка	Норинга.

Трудно думать, чтобы это сходство было случайнымъ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что вятскія названія разсматриваемаго типа даны тѣмъ же народомъ, который разбросалъ ихъ за предѣлами Вятскаго края отъ бассейновъ Юга и Ветлуги до береговъ Лапландіи. Что за народъ это былъ, съ увѣренностью сказать еще нельзя, но направленіе, въ которомъ уходятъ отъ предѣловъ Вятки названія разсматриваемаго типа, позволяютъ предположить, что мы имѣемъ дѣло съ предками древнихъ Лопарей. Въ пользу такой гипотезы можетъ говорить, помимо географіи, и филологія. Одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей современнаго финновѣдѣнія, мадьярскій академикъ Будэнцъ высказалъ предположеніе, что лопари нѣкогда входили въ составъ сѣверно-финской группы вмѣстѣ съ Пермскими и Угорскими племенами. Съ того пункта, который представляютъ собою названія вятскихъ рѣкъ на ма и на (нга), передъ нами раскрываются необыкновенно заманчивыя перспективы: устанавливая (гипотетически пока) пребываніе лопарей на З. Вятскаго края и Коми на С. и В., мы дѣлаемъ шагъ къ опредѣленію той территоріи, на которой Лопари и Коми съ Вотяками жили бокъ о бокъ и составляли, можетъ быть, еще единую группу. Центромъ этой территоріи можетъ оказаться Вятскій край, ея окраинами—прилегающія части Пермской и Вологодской губерніи для Коми и Костромской и Нижегородской для Лопи (Суоми).

Интересъ гипотезы, которую можно построить, опираясь на мѣстныя названія Вятскаго края, побуждаетъ самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовать этотъ матеріалъ. Всякій, кому приходилось имѣть дѣло съ „Спискомъ населенныхъ мѣстъ Вятской губерніи“, можетъ засвидѣтельствовать, что полагаться на точность занесенныхъ въ него названій можно далеко не всегда. Помимо неудовлетворительной корректуры самыя записи, которыми пользовались составители Списка, не отличаются точностью транскрипціи: селенія, рѣки и ручьи обозначаются руссифицированными названіями: мы знаемъ по Списку рѣку *Уста*, а черемисы называютъ ее *Ыштӓ*, рѣчку Юронгу черемисы называютъ Йорынг и т. д. Деревни, населенныя инородцами, имѣютъ весьма часто 2—3 названія по количеству околодковъ, изъ которыхъ онѣ состоятъ, а въ

Списокъ занесено одно названіе, да и то не въ полной инородческой формѣ. Все это заставляетъ желать, чтобы мѣстные изслѣдователи приняли на себя трудъ составить новый, точный и полный Списокъ хорографическихъ названій края. Такой Списокъ, конечно, можетъ составиться не сразу; названія, собранныя въ отдѣльныхъ волостяхъ и приходахъ, могли бы печататься въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Календарѣ“.

Съ точки зрѣнія исторической географіи было бы весьма важно, если бы работы по составленію новаго Списка начались въ инородческихъ частяхъ губерніи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ рядомъ представители двухъ-трехъ народностей, слѣдуетъ записывать названія того или другаго пункта на языкѣ каждой народности. Когда будутъ собраны матеріалы для новаго Списка, представится возможность провѣрить гипотезу, которая намѣчается на основаніи стараго. Провѣрку гипотезы мѣстные изслѣдователи могутъ предпринять и другимъ путемъ. А. А. Спицынъ констатировалъ различіе между вещественными памятниками старины въ восточной и западной половины губерніи. До извѣстной степени границы изслѣдованныхъ имъ въ губерніи различныхъ культуръ совпадаютъ съ принимаемыми мною гипотетически границами поселеній двухъ древнихъ народностей. Было бы весьма интересно при описаніи районовъ, въ которыхъ встрѣчаются памятники того или другаго типа, отмѣчать, какія рѣчныя названія преобладаютъ по близости описываемаго района.

Другимъ капитальнымъ вопросомъ, къ которому было бы желательно привлечь вниманіе возможно бо́льшаго количества работниковъ, является вопросъ объ ассимиляціи, обрусѣніи мѣстныхъ инородцевъ. Вятская губернія населена инородцами, которые находятся на различныхъ ступеняхъ сближенія съ русскими. Въ то время, какъ пермяки Зюздинскаго края, Садинскіе вотяки и Котельническіе черемисы почти утратили свои племенныя особенности, черемисы Уржумскаго и Малмыжскаго уѣздовъ, вотяки Малмыжскаго, Сарапульскаго и Елабужскаго, бесермяне Глазовскаго уѣзда сохраняютъ вмѣстѣ съ языкомъ въ бо́льшей или меньшей степени всѣ особенности своего древняго быта. Между этими крайними стадіями сближенія можно предположить цѣлый

рядъ промежуточныхъ ступеней. Русское вліяніе должно чувствоваться сильнѣе тамъ, гдѣ инородцы живутъ смѣшанно, въ однихъ деревняхъ съ русскими и уступаютъ имъ численно, гдѣ ихъ сосѣдями на значительномъ разстояніи являются также русскіе, гдѣ сверхъ того они приходятъ въ соприкосновеніе съ многочисленными случайными гостями—русскими, какъ напр. на большихъ почтовыхъ и коммерческихъ дорогахъ; мы вправѣ ожидать самой слабой степени обрусѣнія тамъ, гдѣ всѣ перечисленныя условія отсутствуютъ.

Изслѣдованіе такого сложнаго явленія, какъ культурное взаимодѣйствіе между русскимъ и инородческимъ населеніемъ края, можетъ пойти тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ бо́льшее количество работниковъ приметъ въ немъ участіе, а это количество во всякомъ случаѣ можетъ опредѣляться интересомъ конечной цѣли съ ея яснымъ пониманіемъ. Исходя изъ этого соображенія я позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое можетъ имѣть детальное изслѣдованіе вопроса объ обрусѣніи въ одной изъ богатыхъ инородцами мѣстностей Россіи. Обывателямъ Вятскихъ селъ и уѣздныхъ городовъ, конечно, хорошо извѣстно, что черемисинъ, вотякъ, пермякъ, вполнѣ овладѣвшій русскимъ языкомъ и усвоившій внѣшнія особенности русскаго быта, перестаетъ считать себя инородцемъ и говоритъ, что онъ русскій. Есть мѣстности, гдѣ такіе „русскіе“ считаются не единицами и не десятками. Дѣти и внуки такихъ „русскихъ“ сливаются вполнѣ съ дѣйствительно русскимъ населеніемъ края; послѣдняя связь, соединяющая обрусѣвшаго инородца съ его родичами порывается, когда окружающіе позабываютъ, что предокъ такого-то лица былъ черемисинъ или вотякъ. Само собою разумѣется, что при подобныхъ условіяхъ „русское“ населеніе Уржумскаго и Яранскаго уѣздовъ будетъ и физически и духовно не совсѣмъ похоже на таковое же населеніе уѣздовъ Слободскаго и Глазовскаго (его сѣверной части), и антропологъ, который поставилъ бы своей задачей изученіе вятскаго типа великоруссовъ, окажется вынужденнымъ констатировать значительное разнообразіе физическихъ особенностей въ предѣлахъ одной губерніи. Если мѣстные наблюдатели дадутъ себѣ трудъ заняться вопросомъ объ обрусѣніи инородцевъ, антропологъ будетъ въ состояніи объяснить этотъ фактъ на

основаніи положительныхъ данныхъ и съ большей вѣроятностью приложить добытые выводы къ населенію сосѣднихъ губерній. Другой крупный результатъ, къ которому можетъ привести рядъ мелкихъ мѣстныхъ работъ, будетъ заключаться въ эмпирическомъ разъясненіи одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи—вопроса о судьбѣ народностей, населявшихъ нѣкогда губерніи Владимірскую, Рязанскую, Ярославскую, Костромскую и прилегающія. Принято думать, что народности эти обрусѣли, но основанія для такого рѣшенія вопроса нельзя считать вполнѣ достаточными—указываютъ на мирный характеръ славянъ, на отсутствіе въ лѣтописяхъ извѣстій о борьбѣ съ инородцами ихъ истребленіи или объ ихъ массовомъ выселеніи. За отсутствіемъ другихъ, *положительныхъ* свидѣтельствъ годны, конечно, и *отрицательныя*. Но, безъ всякаго сомнѣнія, русскіе историки значительно выиграютъ, если будетъ систематически прослѣженъ процессъ обрусѣнія въ одной изъ инородческихъ еще по своему составу мѣстностей Россіи; тогда къ отрицательнымъ аргументамъ прибавится положительный въ видѣ аналогіи.

Для того, чтобы легче можно было оріентироваться среди матеріала, селенія слѣдуетъ раздѣлить на нѣсколько опредѣленныхъ категорій, руководствуясь силой русскаго или инородческаго элемента.

Въ первую категорію войдутъ инородческія селенія, со всѣхъ сторонъ окруженныя таковыми же вовсе безъ русскихъ или съ нѣсколькими человѣками въ лицѣ священника, псаломщика, урядника, лавочника и т. п.

Во вторую—чисто инородческія селенія, но примыкающія частію къ русскимъ, частію къ инородческимъ деревнямъ.

Въ третью—чисто инородческія селенія, окруженныя со всѣхъ сторонъ болѣе или менѣе плотнымъ русскимъ населеніемъ.

Въ четвертую—смѣшанныя русско-инородческія селенія съ инородческимъ большинствомъ.

Въ пятую—смѣшанныя русско-инородческія селенія съ русскимъ большинствомъ.

Въ шестую—обрусѣвшія инородческія селенія, гдѣ, въ видѣ исключенія, у стариковъ употребляется еще родной языкъ.

Въ седьмую—обрусѣвшія инородческія селенія, гдѣ только по преданію говорятъ, что *старики* были инородцы.

За этими легко распознаваемыми категоріями идетъ наиболѣе интересная, но и наименѣе поддающаяся при поверхностномъ изслѣдованіи. Можетъ оказаться рядъ такихъ селеній, гдѣ жители говорятъ по-русски, считаютъ себя русскими искони, но гдѣ глазъ посторонняго наблюдателя поражается сходствомъ между этими русскими по чертамъ лица, по отдѣльнымъ принадлежностямъ костюма, по говору или по какому-нибудь другому признаку. Для провѣрки предположенія о родствѣ этихъ русскихъ, съ тѣми или другими инородцами слѣдуетъ собрать фамиліи всѣхъ жителей деревни и выдѣлить изъ нихъ тѣ, которыя не имѣютъ такого ясно-русскаго происхожденія, какъ фамиліи, произведенныя отъ христіанскихъ именъ, отъ русскихъ названій животныхъ, птицъ, орудій и т. д. Примѣсь къ русскимъ фамиліямъ такихъ, какъ напр. Лунеговъ, Волеговъ, Пислеговъ, Поткеевъ и т. п. ясно нерусскихъ фамилій покажетъ справедливость провѣряемой гипотезы. Потомки инородцевъ могутъ скрываться, конечно, и подъ русскими фамиліями, но относительно ихъ съ увѣренностью говорить уже нельзя.

Позволяю себѣ намѣтить по нѣсколько вопросовъ, которые было бы желательно имѣть въ виду при изслѣдованіи каждой изъ названныхъ категорій.

Категорія I. Въ какой степени распространенъ между жителями русскій языкъ? Кто говоритъ на немъ—одни мужчины, или и женщины, всѣ ли мужчины или тѣ, которые работаютъ на сторонѣ, торгуютъ и т. д? Въ какой степени правильно говорятъ названныя лица? Охотно ли говорятъ, не стараются ли щегольнуть знаніемъ русскаго языка? Не вставляютъ ли русскихъ словъ, пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ въ разговорѣ между собою, на родномъ языкѣ? Не употребляютъ ли дѣти въ своей рѣчи отдѣльныхъ русскихъ словъ? Есть ли въ деревнѣ ученики и не вносятъ ли они въ свои разговоры съ сверстниками русскихъ словъ? Не пытаются ли женщины и дѣвушки, не говорящія вовсе по-русски, пѣть занесенныя солдатами или школьниками русскія пѣсни? Не разсказываютъ ли дѣти русскихъ сказокъ, которыя они слышали отъ школьниковъ? Не встрѣчаются ли лица, желающія

жить „по-русски“ и въ чемъ выражается такое желаніе? Не говорятъ ли старики, что ихъ дѣти и внуки уклоняются отъ старины, русѣютъ и въ чемъ они усматриваютъ это начинающееся обрусѣніе?

Категорія II. Къ вопросамъ, намѣченнымъ для I категоріи, слѣдуетъ прибавить:

Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ инородцы къ русскимъ сосѣдямъ—дружатъ съ ними или сторонятся и почему?

Ходятъ ли русскіе къ инородцамъ на праздники и инородцы къ русскимъ? Допускаются ли русскіе на игрища къ инородческой молодежи и инородческіе молодые люди на русскія игрища?

Берутъ ли инородцы невѣстъ у сосѣдей русскихъ и наоборотъ?

Какую роль играютъ русскіе крестьяне на волостныхъ сходахъ въ смѣшанныхъ волостяхъ—господствуютъ ли они, не взирая на меньшинство, или пользуются равными правами, или идутъ за инородческимъ большинствомъ? Кто чаще попадаетъ въ смѣшанныхъ волостяхъ въ волостные судьи, старшины—русскіе или инородцы и почему? Не замѣчается ли въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, составленныхъ изъ русскаго большинства, стремленія рѣшать смѣшанныя тяжбы въ пользу русскихъ и въ рѣшеніяхъ судей-инородцевъ—въ пользу инородцевъ?

Категорія III. Вопросы I и II категоріи дѣйствительны. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить:

Сохраняютъ ли инородцы свои древніе языческіе обычаи—имѣютъ ли молитвенныя рощи, совершаютъ ли въ нихъ жертвоприношенія, устраиваютъ ли домашнія моленія? Не бросаютъ ли такихъ обычаевъ совершенно одни и держатся ли *тайно* другіе? Гдѣ берутъ инородцы такихъ селеній невѣстъ—у русскихъ или у инородцевъ же, хотя и дальнихъ? Ходятъ ли инородцы такихъ селеній на общія моленья куда нибудь на сторону?

Категорія IV. Къ вопросамъ, намѣченнымъ для категорій I—III, слѣдуетъ прибавить:

Какъ живутъ въ смѣшанномъ селеніи русскіе и инородцы—въ перемежку или каждая народность занимаетъ особый конецъ? Сходятся ли дѣти и молодежъ обѣихъ народностей

на общія игры или каждая веселится особо? Если сходятся, то на какомъ языкѣ говорятъ играющіе дѣти двухъ народностей и молодежъ? Сходится ли молодежь двухъ народностей на посидѣлкахъ и какой языкъ въ такомъ случаѣ господствуетъ, чьи пѣсни поются? *Гуляютъ* ли русскія дѣвушки съ инородческими парнями и наоборотъ? Обращаются ли въ нуждѣ русскій къ инородцу, инородецъ къ русскому или русскій держится русскаго, инородецъ инородца? На какомъ языкѣ идутъ переговоры на мірскихъ сходахъ? Какое положеніе занимаетъ русское меньшинство на такихъ сходахъ? Часты ли браки между русскими и инородцами въ смѣшанномъ селеніи? Не встрѣчаются ли среди русскихъ въ смѣшанномъ селеніи такихъ, которые носятъ инородческія фамиліи? Не помнятъ ли старики времени, когда русскихъ въ деревнѣ не было? Не говорятъ ли старики, что съ приходомъ русскихъ люди измѣнились и въ чемъ именно?

Категорія V. Къ вопросамъ, намѣченнымъ для категорій I—IV, слѣдуетъ прибавить:

Держатся ли остающіеся въ меньшинствѣ инородцы своихъ языческихъ обычаевъ?

По отношенію къ категоріямъ VI VII желательно выяснить, не отличается ли въ чемъ нибудь языкъ обрусѣвшихъ инородцевъ отъ языка чисто-русскаго населенія напр. Вятскаго уѣзда, не сохранилось ли особыхъ принадлежностей костюма (пермяцкій кушакъ, пермяцкіе лапти и т. п.), особыхъ обычаевъ?

По отношенію къ категоріи VIII, выяснивши посредствомъ изслѣдованія фамилій, инородческое происхожденіе населенія слѣдуетъ поискать, не сохранилось ли въ языкѣ, костюмѣ, повѣрьяхъ, обычаяхъ остатковъ былаго родства съ той или другой народности. Въ отношеніи VIII категоріи богатый матеріалъ могутъ дать Кайскій край, Зюздино и Слободской уѣздъ. Разыскивая потомковъ инородцевъ среди нынѣшняго русскаго населенія этихъ мѣстъ, слѣдуетъ запастись точными свѣдѣніями на счетъ обитавшихъ здѣсь нѣкогда вотяковъ, бесермянъ и пермяковъ.

Въ томъ случаѣ, если матеріалъ на основаніи намѣченной программы, будетъ поступать въ достаточномъ количествѣ, можно будетъ приступить къ составленію спеціальной

карты уѣзда или цѣлой губерніи, на которой категоріи можно было бы обозначать особыми знаками или лучше красками. Подробности, доставленныя корреспондентами сообразно съ вопросами программы, можно свести въ особую *легенду* къ картѣ. Для каждой категоріи карты долженъ быть въ такомъ случаѣ особый параграфъ, въ которомъ были бы резюмированы всѣ отвѣты на соотвѣтствующіе вопросы и показано въ скобкахъ изъ какой мѣстности, на какой вопросъ полученъ отвѣтъ, сколько получено однородныхъ отвѣтовъ, сколько противорѣчивыхъ.

На этихъ строкахъ я оканчиваю свою замѣтку и позволяю себѣ высказать горячее пожеланіе, чтобы вятскіе работники приложили къ намѣченнымъ мною задачамъ свой трудъ: они окажутъ крупную услугу русской наукѣ.

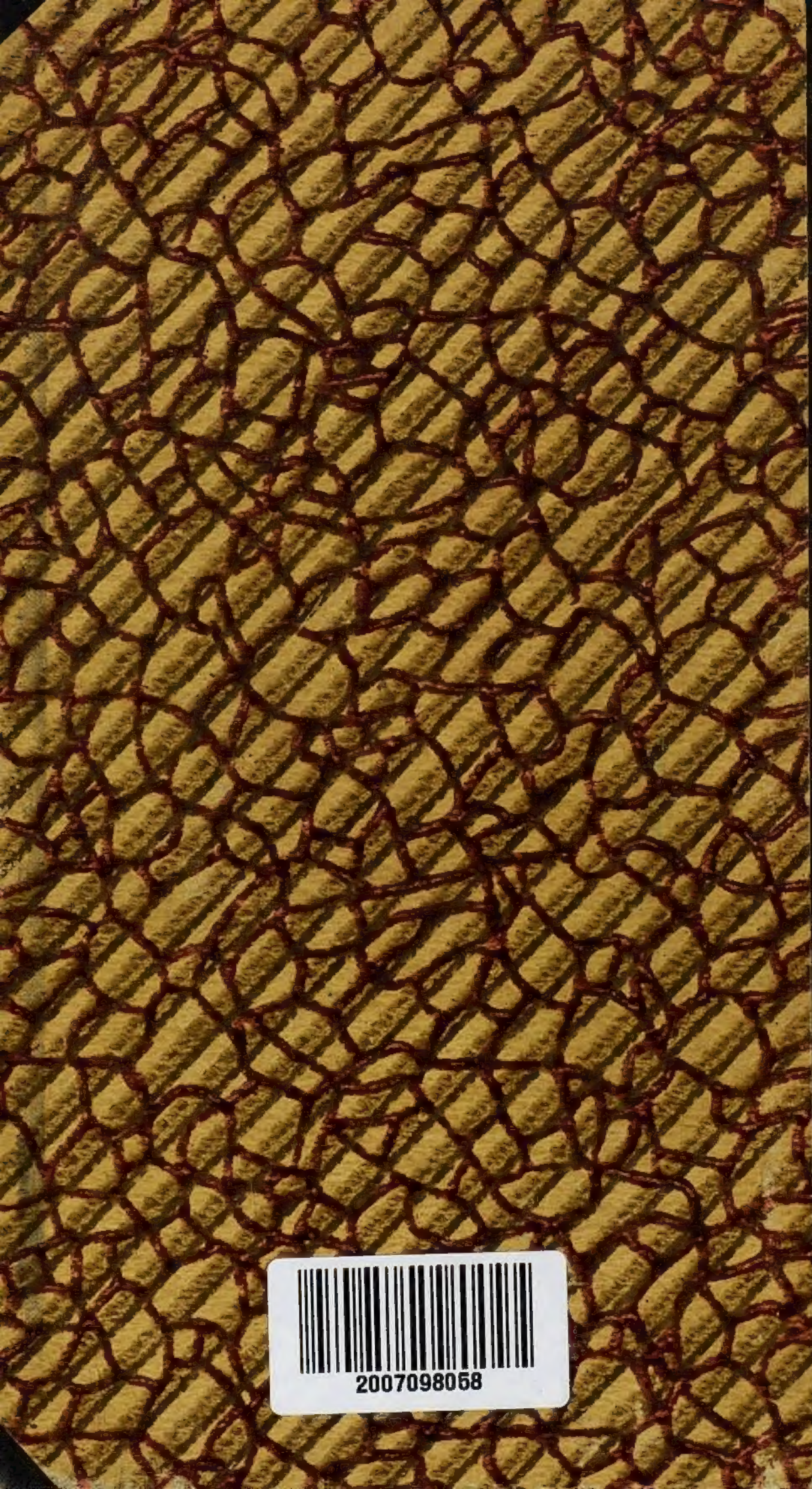
И. Смирновъ.

Перепечатано изъ Календаря Вятской губерніи на 1892 г.

ИЗДАНІЕ ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

Печатано по постановленію Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 19 Ноября 1891 года.

ВЯТКА.
Губернская Типографія.
1891.


2007098058